

Поразительные
женские
истории

Из плена ВОСТОЧНОЙ СКАЗКИ

Жизнь после гарема

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ2

ИЗ2 Из плена восточной сказки. Жизнь после гарема. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Поразительные женские истории).

ISBN 978-5-04-092125-6

Сокровенные признания нашей соотечественницы, похищенной и проданной в тайный гарем, прошедшей через унижения и опасности, но сумевшей совершить побег из роскошного дворца Дубая!

Пройдя все круги гаремного «рая», Анна мечтала лишь об одном — жить спокойно, не вздрагивая от каждого звука. Но как долго может скрываться женщина с детьми даже в одном из самых шумных городов Европы Париже, если по ее следу, как по следу загнанного зверя крадутся доверенные люди всемогущего арабского принца?

К чему могут привести неумное желание власти, интриги и кипение любовных страстей? Всегда ли мы знаем своих настоящих врагов и доверяем тем, кому стоит доверять? Сумеет ли героиня отстаивать право на своих детей и собственную жизнь? Сумеет ли защитить их и себя и избежать катастрофы?

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-092125-6

© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

— Ма-ам!

С этого вопля уже пару лет начиналось каждое мое утро, включая воскресные и праздничные.

Нет-нет, кричала не я — из своей комнаты кричали мои дети. Потом следовало барахтанье, при котором мне попадали ногой в глаз, использовали голову в качестве подушки, визжали в ухо и прочее...

Мамы с детьми детсадовского возраста меня поймут. Это мы можем поспать в субботу или воскресенье подольше, дети, которых с трудом удастся поднять в положенное время в будни, в выходные просыпаются самостоятельно на пять минут раньше обычного. И никакие уговоры поспать еще или просто полежать не помогают.

Сашка вообще заявил:

— Ты так всю жизнь проспишь!

Пришлось признать исключительную логичность этого заявления моего четырехлетнего сына.

Постепенно родители свыкаются с необходимостью тащиться на кухню и готовить воскресный завтрак ни свет ни заря. Но потом дети идут в шко-

лу, и необходимость вставать или хотя бы просыпаться в выходные дни рано отпадает (а привычка остается!).

Я родительница одинокая, а потому отправить Сашку и Машку терзать папу не могла, приходилось вставать.

Пожалуй, нужно объяснить, как я оказалась в статусе матери-одиночки с двумя детьми трех с половиной и четырех с половиной лет.

Где-то шесть лет назад я, увязнув по уши в долгах, решила подзаработать и отправилась из пригорода Москвы, где снимала комнату в жуткой квартире, в сказочный Дубай, чтобы найти работу стюардессы. Внешность позволяла, английский тоже, а мои соседки по предыдущей тогда еще московской квартире уверяли, что благодаря их наставлениям все получится.

Наставления, может, и помогли бы, но до назначенного собеседования дело не дошло — собственный соплеменник (то есть соотечественник) попросту продал меня в тайный гарем в пустынном оазисе. Там мне дали новое имя — Амаль, что по-арабски значит «надежда». Эта надежда сбылась и не сбылась одновременно. Я была там очень счастлива и очень несчастна.

Я уже однажды подробно описывала свои приключения и злключения в Дубае, результатом которых стало замужество за настоящим арабским принцем по имени Сауд (клянусь: красавцем из кра-

савцев!), потом рождение сына и... побег с сыном из Дубая в Москву самыми немыслимыми путями — через пустыню, Саудовскую Аравию, Катар и Дамаск.

Что я пережила за время этого бегства, описать можно долго, скажу только одно: по-настоящему побывала на грани жизни и смерти, причем не одна, а вместе с крошечным сыном и нашим спасителем. Бежала потому, что муж не поверил в рождение семимесячного Сашки от него, решил, что я оказалась в Дубае уже беременной. Для этого очень постаралась старшая жена Сауда Моза. Для меня такое недоверие означало развод и выезд из страны без сына! Пришлось бежать, увозя ребенка тайно и без ведома отца. Это — преступление во всех странах, а уж у арабов особенно.

Ни простые бедуины, ни даже самые состоятельные шейхи бедуинских племен не имели гаремов вроде тех, в котором Шехерезада рассказывала свои истории или в каком правила всесильная Роксолана. Гарем — удел оседлых, кочевнику-бедуину не под силу возить с собой по пустыне сотню верблюдов, груженных толпой очаровательных бездельниц, евнухов и кучей вещей.

Гарем, как семья, которую надо защищать, конечно, был. И многоженство было (и есть!). Но если сейчас многоженство вызвано только желанием мужчины пополнить комплект домашних красавиц, то до того, как бедуины сменили верблюдов на джипы и «Мазератти», а шатры — на квартиры в умопомрачительных высотках, многоженство диктовалось самой жизнью.

И вовсе не из-за дополнительных рабочих рук бедуин брал вторую, а то и третью жену. Ведь женившись, он принимал на себя ответственность за женщину и рожденное ею потомство. Если мужчина умирал или погибал, женщина с детьми выжить в пустыне не могла, потому становилась женой одного из родственников мужа, обычно брата погибшего.

Так появлялись вторая или третья жены.

Сейчас такой необходимости нет, однако многие и локалы, и экспаты имеют по две, три и даже четыре супруги — вера позволяет. Одно условие: все жены и их потомство должны содержаться одинаково (четыре жены — покупай четыре одинаковых brasleta или колье), не быть обделены вниманием, и желательно встречаться между собой только по праздникам,

а жить в разных домах. Если учесть, что праздники — дни рождения, свадьбы, помолвки, окончания учебы и прочее — в огромных семьях очень часты и для каждого нужен новый наряд, а к нему драгоценности, то арабу с несколькими женами приходится несладко, не обидеть ни одну — трудно.

Им помогают сами супруги, бдительно следящие, чтобы у соперницы не оказалось чего получше. Женищина может спокойно поинтересоваться у мужа:

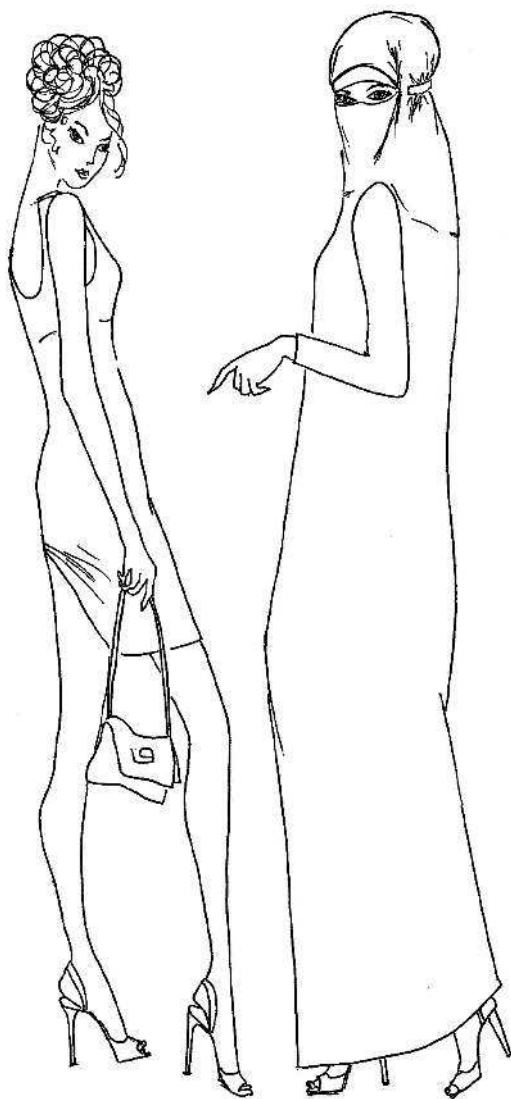
— Дорогой, когда мы пойдем покупать мне новую машину?

И он не станет спорить, поскольку вчера купил таковую другой жене.

И ночи проводить он должен у всех жен строго по очереди, иначе не избежать жалобы судье (или солидного подарка обиженной жене в качестве отступного).

Нам не понять, но для них это норма, и осуждать и даже обсуждать эту норму мы не имеем права.

Под абаей почти наверняка столь же смелый наряд, как у подружки-европейки, только он не для чужих глаз.

В Москве меня никто не ждал, поскольку родных нет, знакомые обо мне забыли, в квартире жили другие люди. Но главное — я сама пряталась от всех. Казалось, вот-вот меня схватят, отберут ребенка, а саму посадят в тюрьму. Я беглая жена, увезшая с собой сына вопреки воле его отца! Для арабов это преступление из преступлений. Стоило моему мужу Сауду узнать, где я, и ничего хорошего меня не ожидало.

Москва достаточно большой город, чтобы в нем надежно исчезнуть с глаз, если, конечно, не совершать ежедневный променад по Тверской. Мать Сауда шейха Махасин (жена у шейха — тоже шейха), женщина разумная, предпочла не устраивать скандалы с неугодной невесткой и тайно дала мне карту европейского банка в надежде, что я слиняю. Не ошиблась.

Деньги помогли жить в Москве, ведь на работу без жилья, регистрации и с младенцем на руках меня никто не взял бы. Махасин регулярно пополняла счет (у шейхов свои понятия о щедрости к внукам, для весьма и весьма приличной жизни нам хватило бы и двадцатой части, но я старалась много не тратить, все же деньги не мои, вдруг придется возвращать?!). Я была благодарна ей за такую щедрую поддержку, но понимала: пока трачу эти средства, я на крючке. В любую минуту Махасин могла узнать, где я, и направить ищеек по следу или вовсе жандармов для ареста.

Зависеть не хотелось, но что я могла поделать?

Уже в Москве я поняла, что беременна снова.

Двое детей — не один. Когда появилась необходимость попросту показываться в женской консультации, я осознала, что одна не справлюсь, мне не на кого оставить Сашку, хотя бы когда буду рожать дочь. В родильный зал его точно не пустят и лежать рядом со мной в палате не позволят. Надеяться, что все пройдет мигом и дома, не стоило совсем.

Был один-единственный человек, с которым я рискнула связаться, — моя сводная сестра Настя. У нас один отец, но разные матери, которые друг дружку никогда не видели. Отец меня не признал, хотя я его копия. Настя моложе меня на три года, уже много лет она жила и училась в Лондоне. У нас обеих никого из родни нет, это печальная история, но о ней в другой раз...

ОТ ЖАННЕТ

— Однажды русская актриса сказала мне фразу вашего философа Пруткофф:

«Хочешь быть счастливым — будь им!»

— Козьмы Пруткова, — машинально поправила я.

— Да. Почему вы не слушаете своего философа?

Я попыталась объяснить, что Козьма Прутков не только не философ, но вообще литературный персонаж, созданный тремя шутниками.

— Неважно, один это человек или несколько. Главное, что все верно. Состояние счастья — это не какие-то внешние условия, это состояние души. И без собственного желания человека, без его усилий попросту невозможно.

Но главное — вы все не умеете получать удовольствие от жизни каждую минуту, не умеете быть счастливыми.

Моя жизнь словно шла по кругу, из которого никак не удавалось вырваться. Круг этот замкнулся задолго до моего собственного рождения. Моя мама «безотцовщина», поскольку дед не поверил бабушке, что будущий ребенок его, и брак не состоялся. Увидел дочь в первый и последний раз, когда мама была уже совсем взрослой и категорически не желала слышать о нем. О судьбе деда мне даже ничего неизвестно.

Мама родила меня от женатого человека, который тоже не поверил в свое отцовство и меня не признал, потому у нас с Настей разные фамилии.

И разная внешность — я очень похожа на отца, а она на свою мать.

Меня воспитывала бабушка, поскольку моя мамаша гонялась за своей очередной любовью по всей стране, потом за следующей и следующей... Настю весьма состоятельная в то время тетка, с тех пор как девочка осталась без обоих родителей, передала сначала на попечение няnek, потом гувернантки, а потом и вовсе отправила в закрытую английскую школу.

Мы могли с ней не встретиться, но однажды бабушка получила странную записку с просьбой забрать Настю в аэропорту и поддержать ее у себя пару дней, мол, появляться дома ребенку нельзя, а через два дня за ней приедут. Лихие девяностые давно закончились, но иногда мне кажется, что они просто дремлют и мы по-прежнему там.

Из Лондона прилетела страшно перепуганная девчонка с рюкзачком, которую успокоить удалось с трудом, за Настей действительно приехали через пару дней, чтобы отвезти обратно в аэропорт. Находиться в России из-за теткинх проблем ей было опасно.

Самое умное, что сделала для племянницы тетка, — оплатила ее обучение полностью за все годы и оставила неплохой счет в Англии, чтобы Настя смогла учиться и дальше. Теперь сестра получала уже второе образование, правда, деньги давно закончились.

Когда умерла бабушка, Настя примчалась хоть на день и была единственной, кроме бабушкиных

подруг, кто оказался рядом со мной. Мама снова отсутствовала бог весть где, но каким-то нюхом почуяв, что осталось наследство, немедленно появилась в нашем Мухосранске. Я не стала с ней судиться или как-то воевать из-за небольшой старой бабушкиной квартиры, просто собрала свои рисунки и уехала в Москву, вычеркнув родительницу из своей жизни навсегда.

Где только и что я не рисовала, чтобы заработать на жизнь! Разукрашивала детские лица, превращая их в зайчиков и котиков, малевала дурацкие плакаты, расписывала стены детских садов и детских отделений больниц, рисовала плакаты для свадеб, выпускных или просто праздников... А потом был с треском провалившийся проект мультфильма, сценарий которого теперь с успехом превратился в книгу. Но тогда мы влезли в долги и остались без ничего. Мои партнеры буквально испарились, оставив меня без средств и с большими проблемами.

С Настей в те годы я виделась несколько раз, дважды ездила к ней в Лондон, с её подачи серьезно занялась английским. Потом, когда денег не стало ни у меня, ни у нее, мы лишь переписывались, с каждым месяцем все реже. Мне страшно не хотелось грузить Настю своими проблемами, надеялась, что выпутаюсь и расскажу все сразу.

Чтобы выпутаться, отправилась в Эмираты устраиваться стюардессой, а там... Как-нибудь расскажу подробней.